

Мухамадиев Х.С., к.ф.н., ассоциированный профессор КазНТУ имени К.Сатпаева
Тлеубай Г.К., старший преподаватель, Кенжеева К.Т., старший преподаватель,
КазНУ имени аль-Фараби, г. Алматы

ЧАПАН КАК ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОНСТАНТА В ВОСТОЧНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Самое важное в любой одежде – человек, который её носит.

Восточная пословица

Изображение мира при помощи языковых средств создаёт наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности – «языковой картине мира». Языковая картина мира как совокупность знаний о мире выступает в номинациях на лексическом, фразеологическом и грамматическом уровне языковой системы. Такого рода вербализация знаний связана с языковой концептуализацией мира, и в этом процессе важнейшее место занимают константы этноязыкового сознания. «В лингвокультурологии ведётся неустанный поиск «ключевых слов», означающих константы этноязыкового сознания – инвариантные концепты той или иной культуры – её самобытное ядро» [1, 135].

Для различных национальных культур таковыми константами могут быть ключевые слова, называющие предметы и явления материальной и духовной культуры. Такие ключевые единицы языка обладают этнокультурной спецификой и являются инвариантными доминантами в выражении самой культуры. Так, согласно исследованиям в этой области, европейское и восточное этносознания различаются по масштабному наличию в них подобных инвариантных доминант [1, 135]. В задачу данной статьи входит рассмотрение ключевого номинанта инвариантной константы восточной культуры, а именно культуры народов Центральной Азии на основе литературно-художественных текстов писателей данного региона.

Предлагаемое рассмотрению ключевое слово чапан является названием верхней одежды, характерной для жителей этой обширной территории и обладает не только ярко выраженной этнокультурной спецификой, но и занимает достаточно выраженную общую доминантную функциональную значимость в восточном этносознании.

В материальной культуре народов Центральной Азии чапан наиболее этнически показательна как традиционная национальная одежда. Этот вид одежды в мужском и женском варианте выступает своеобразной визитной карточкой этноса. Хорошее знание традиционного покроя, цветовой гаммы, набора

одежды, её украшений позволяет достаточно точно определить этническую принадлежность костюма и всю систему его этнокультурных или этногенетических связей. В качестве примера можно привести разновидности чапанов основных народов населяющих регион Центральной Азии: казахский, киргизский, таджикский, туркменский, узбекский, уйгурский.

Просторный длинный чапан считается самым распространённым элементом верхней мужской одежды. Чапан шили из разнообразных тканей, лёгких и плотных, различных расцветок, но преимущественно однотонных и более тёмных. Тёплые чапаны с толстой прослойкой шерсти или ваты обычно простёгивали вместе с верхом продольными швами на небольшом расстоянии, а рукав был очень длинный, к кисти он суживался почти вдвое. У чапана ворот чаще выкраивали в виде треугольного выреза и обшивали полосой той же ткани, простёганная в несколько рядов, она образовывала воротник.

Чапан являлся настолько универсальной верхней одеждой, что его носили во все времена. Зимой, если не было меховой одежды, носили несколько чапанов, один на другой. Например, у казахов Северного и Центрального Казахстана шили очень длинный и широкий чапан на толстой подкладке, который надевали поверх шубы или тулупа во время зимней непогоды. В Семиречье и Восточном Казахстане встречались чапаны с широким отложным воротником – қаиырма жаға.

Чтобы подчеркнуть своё богатство, состоятельные люди даже в тёплую погоду носили несколько чапанов. Для всех чапан из дорогой ткани был престижной одеждой: поверх обык-

143

Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана
Science and life of Kazakhstan. №6 (34). 2015

новенного дешёвого ситцевого надевали второй подороже – суконный, затем третий – шелковый и сверху самый почётный – парчовый или бархатный. В обыденном костюме важно было и то, на какую сторону – левую или правую сторону запахивается чапан. По этому признаку, например, отличаются монгольский и тюркский чапаны даже в скульптурных изображениях [2, 128].

В теории «философия имени» считается, что есть слова, имеющие тройкий смысл – буквальный, переносный и духовный. Именно к такого рода словам относится слово чапан, выступающее номинантом одного из старинных видов восточной одежды в мире инвари-

антных концептов-артефактов.

В «Казахско-русском словаре» словарная статья на слово чапан (шапан) представлена довольно обширно и отражает в основном его ценностно-смысловую сущность.

Шапан - чапан, халат; ала шапан – пёстрый халат (у узбеков, таджиков и др.); бүркешік шапан – женский широкий чапан (который можно было набросить на голову); қималы шапан – уст. приталенный женский чапан из дорогого материала) (плюша, бархата); жадағай шапан – простой неутеплённый чапан; жап (кигіз): 1) надеть чапан, 2) преподнести кому-нибудь чапан в подарок (в знак уважения; шапан ки – получить в подарок одежду (чапан и т.п.) 3) уст. плата за нарушение; ат, шапан айып төле – платить за поступок конём и чапаном. Фразеологизм: шапанымды шешіп алмас – нечего бояться, нечего мне терять (букв. не снимет же мой чапан) [3, 940].

В казахском языке имеются образованные от слова шапан производные: шапанды – имеющий чапан, в чапане; шапанша – халатик; шапандық – отрез на чапан; шапандық мата – материал для чапана; шапаншан – быть в одном чапане (без одежды поверх него); шапаншақыт – кое-какие подарки (чапан плюс ещё что-нибудь).

Чтобы дать смысловое объяснение названию разновидности сугубо восточной одежды чапан в русском языке используется слово-аналог халат. В этнографическом альбоме о казахской национальной одежде комментарии к иллюстрациям даны следующим образом. Например: «Полный костюм молодой женщины состоит: жаулык и кимешек – головной убор, камзол – безрукавка; чапан – халат, отделан мехом выдры и койлек – платье». И далее о мужском костюме: «Шапан – халат. Алма-Атинская область. Одежда состоит: кииз калпак – войлочная шапка, отделанная чёрным бархатом. Шапан из красной материи, вышив-ка тамбурная. Кемер-белбеу – пояс кожаный, инкрустирован серебряными пластинами. Етік – сапоги» [4, 28 - 90].

Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова: «халат – это домашняя или рабочая одежда, запахивающаяся или застёгивающаяся сверху донизу (у некоторых азиатских народов – верхняя запахивающаяся одежда). Домашний халат. Рабочий халат. Больничный халат. Купальный халат. Бухарский пёстрый халат. Уменьш. халатик» [5, 857].

В «Русско-казахском словаре» словарная статья на слово халат представляет собой следующий минитекст: «1. халат; тёплый халат

– жылы халат; домашний халат – үйде киетін халат; больничный халат – аурухана халаты; маскировочный халат – воен. көз бояу, көз алдау халаты; докторский халат – дәрігер халаты 2. (восточный) шапан; узбекский халат – өзбек шапаны» [6, 1085].

В целом словарная статья акцентирует внимание читателя на функциональных разновидностях халата, и лишь во втором значении халату приводится аналог – восточный чапан. Халаты могут быть мужскими, женскими и детскими (халатик), но не имеют национальной принадлежности, а чапан не может быть только домашним или рабочим – больничным, докторским или маскировочным, в отличие от халатов он был повседневным или праздничным национальным видом одежды. Так, к восточным относятся казахские, киргизские, узбекские, уйгурские, таджикские, туркменские чапаны. Они отличаются материалом и местом изготовления, и могут быть шёлковыми, парчовыми, полотняными, бархатными, а также бухарскими или хивинскими.

Казахский шапан шили в основном из красной материи и украшали тамбурной вышивкой. В коллекции казахской одежды из 29 предметов, собранной проф. В.В.Куном в 1930 году, наиболее полно представлены женский головной убор «кімешек» всех возрастов, көйлек (платье) и халат – шапан. В.В.Куну удалось приобрести халат казахского «сала» – т.е. странствующего певца, молодого джигита, остроумного и необычайного во всём, в том числе и в одежде. Приобретённый экземпляр

144

Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана
Science and life of Kazakhstan. №6 (34). 2015

халата «сала», далеко не роскошный – сшит из фланели красного цвета, обильно расшит цветными шелковыми нитками в тамбур, датируется приблизительно 1870 годом [4, 9]. Чапаны народов Центральной Азии имеют свои специальные названия, например, туркменский национальный чапан называется – кымыздон. В тексте романа К. Кулиева «Махтумкули» кымыздон и хивинский шёлковый чапан на русском языке переводятся словом халат.

Среди них находился и Махтумкули. Он намеревался пойти на празднество в своей национальной одежде в мужском туркменском халате – кымыздоне и белом тельпеке. Но последовал настоятельному совету Нуры Казима и облачился в шёлковый хивинский халат, чалму и мягкие ичиги вместо обычных сапог [7, 67].

Чапан, как и халат, это такой вид одежды, который свободно и легко покрывает тело человека, обхватывая его плечи, руки и весь корпус ниже колен. Это буквальное значение слова. Переносное – всякий предмет подобной формы и функции одевания, обхватывающее или укрывающее что-либо, уподобляется чапану-халату.

В стихотворении казахского поэта А. Шамкенова снег, словно чапан, укрывает берега замёрзшей реки. Не «скатертью» или «ковром» как в русской поэтической традиции. Укрыты снежным чапаном высокие берега, И смотрят светло и странно из-под льда река [8, 162].

В романе туркменского писателя К. Кулиева снег окутывает здания будто чапан-халат. А сегодня на рассвете пошёл снег. Лёгкие хлопья парили в воздухе, одевая всё в белое одеяние. В чистый снежный чапан-халат облачились мечети, медресе и дома [7, 76].

Русский язык, функционирующий на территории Центральной Азии, заимствовал слово чапан и внёс свои особенности в восточную «языковую картину мира», поскольку обозначаемый им предмет приобрел практическую ценность для жителей данного региона.

Так, образованные от слова чапан производные обозначают традицию одаривания чапанами почётных гостей: очапанить («подарить, в знак уважения чапан, т.е. одарить чапаном»), чапанизация («традиция одаривания чапанами почётных гостей»), чапановый. Ср. Чапанизация Голливуда: Сигурни Уивер в Алматы приодели; Идея «очапанить» Сигурни Уивер пришла спонтанно, уже в дни кинофестиваля (<http://rus.azattyq.org>); В духе лучших традиций со словами «чапанизация у нас не отменена» аким области накинул на хрупкие женские плечи юбиляра непременный национальный атрибут ((<http://www.kostanay.gov.kz/rus/news>) [9, 432].

Казахстанский писатель Г. Бельгер пишет, обращая внимание на этнокультурный компонент данного ключевого слова: «А чапановая традиция получилась такая. В 50 лет меня очапанили дважды. В 60 лет я получил 32 чапана, и я несколько лет передаривал их русским и немецким друзьям. В 70 лет мои плечи укрыли три чапана. В 75 – ещё три...

Однажды из газет я узнал, что какая-то организация очапанила одним махом всю еврейскую организацию – тридцать пять человек.

... Я возмутился: нельзя же так безалаберно обходиться с национальным символом. Казахский чапан – не разменная монета. Не следует одаривать каждого встречного-поперечного»

(<http://www.Altyn-orda.kz>).

Для обозначения описанных культурных действий были использованы ресурсы русского языка – словообразовательные модели очапанить (ср. одарить, осыпать золотом), чапанизация (ср. приватизация, паспортизация). Употребление этих слов в речи русскоязычных казахстанцев – это употребление, связанное не просто со знанием этих слов и обозначаемых ими предметов, действий, а с тем, что это – факты языка, которые отражают элементы языкового сознания и определяют специфику национальной языковой картины мира казахстанцев.

Третий духовный смысл, расширяющий значение выражения: одежда красит человека, может быть почерпнута из истории, функций, символики одежды. Если халат как подарок не обладает традиционным символическим значением, то одаривать кого-либо чапаном в восточной традиции имеет обрядовое ритуальное значение.

Поэт Б.Каирбеков описывает важный фрагмент казахской картины мира: «хозяйский подарок сватам – чапан призван отобразить образ Желания Объятия, согласие породниться со стороной жениха. И это подтверждает название ритуального чапана – шеге-шапан (гвоздь - чапан). Он символическая печать, без которой договор сторон не имеет юриди-

145

Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана
Science and life of Kazakhstan. №6 (34). 2015

ческой силы. Шеге-шапан выражает желание застолбить («пригвоздить») начальный уговор и превратить его в действующий брачный договор» [10, 10].

В вышеназванном романе о жизни и творчестве выдающегося туркменского поэта «Махтумкули» приводятся эпизоды награждения поэтов, победивших в поэтическом состязании. В данных контекстах чапан выступает в символическом значении – это не просто вид верхней одежды, это традиционный знак признания таланта, это награда победителю.

Касыда произвела впечатление и на самого виновника торжества.

Гаип-хан с важной снисходительностью кивнул, сделал небрежный жест кистью руки – и визирь накинул на плечи Махмуда затканый золотом чапан [7, 67].

Нуры Казим помолчал, потом пронизательные глаза его нашли глаза Махтумкули. - Добавь сюда две строки, восхваляющие либо хана, либо пира, и на твои плечи накинут чапан победителя [7, 89].

Переносный и духовный смыслы инвариантного концепта чапан широко представлены в поэтическом контексте таджикского классика современности Т. Зульфикарова. Эти смыслы глубоко органически сплавлены и формируют субъективный образ объективного мира. Самое существенное в синтезе переносного и духовного заключается в том, что этнокультурная специфика слова не ограничивает непосредственное впечатление о концепте-артефакте, а выводит картину мира за пределы чувственного опыта, позволяя по-новому проникнуть в сущность вещей, чем это даётся в непосредственном восприятии или в прямом понимании его значения. Содержание концепта абстрагирует отдельные признаки вещей, вскрывая глубокие имплицитные связи и отношения уже в расширенном семантическом поле.

Но ты, Дервиш, полюбился мне... Ты хочешь из старых одежд мудрости сшить новый чапан или, как персидские ковротворцы, ты хочешь из нового ковра сотворить древний? [11, 41].

В «неожиданной» олицетворяющей метафоре чапан мудрости, на первый взгляд, соединяются несоединимое, поэтому за формой слова следует искать «восточную» форму мысли, а через неё усматривать формообразование идей. Мудрость уподобляется чапану, которая может «окутывать» человека, и подобные метафоры возможны в лишь притчевом контексте.

Идём, сынок... Идём, Насредин! .. Я оставлю тебя в гареме на всю ночь!.. Сейчас... переоденут тебя в ласковый ночной фазаний чапан любви!.. В мой любимый чапан! А теперь я ношу тёмный чапан старости... Эх, фазаний чапан!.. [12, 19].

Насредин в ярком цветастом фазаньем чапане – ночном чапане любви... [12, 22].

Бегу... Бегу в фазаньем обширном гаремном чапане... Я не могу снять, содрать, сорвать с себя нелепый этот чапан... [12, 26].

Махмуд Талгат-бек, зачем, зачем вы сняли тихий чапан старости ...

Зачем вы сменили тихий тёмный халат старости на эту струящуюся последнюю по-смертную рубаху?... [12, 25].

Притчевая форма предполагает широкое использование бытовой лексики, сравнений и метафор, различных форм иносказаний, что облегчает понимание концептуальной авторской идеи, но усложняет её рациональную составляющую, которая не совсем свойственна для восточного этносознания. Как известно, иносказание открывает путь в новое мыш-

ление, в связь неожиданных явлений. А «появление басен, загадок, пословиц и притч знаменует собой возникновение нового типа языкового сознания, не боящегося оперировать метафорами» [13, 11].

Иносказательный контекст о фазанах как о святых птицах помогает понять, почему чапан любви – фазаний, ночной, гаремный, обширный, нелепый. Чапану любви противопоставляется чапан старости – тихий, тёмный, подобный посмертной рубахе.

Оперирование такими «нестандартными» метафорами и эпитетами позволяет «драматизировать» языковыми средствами концептуальную суть картины мира за счёт обильного использования многочисленных определений, характеризующих в таких сочетаниях признаки инвариантного концепта, стремящегося ассоциативно соблюсти аналогию между словом и его смыслом.

И вот степенно шествует к мечети старец-шейх в изумрудном чапане и уже не пылит в тучной дорожной пыли восходящая к небесам нога его [12, 175].

Но вот появляется на обрывистой высокой тропе над многопенной многоярой много-

146

Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Наука и жизнь Казахстана
Science and life of Kazakhstan. №6 (34). 2015

водной рекой человек в чёрном власатом кро-
мешном чапане ночного пастуха [12, 175].

И вот собака и рыба и кошка и отрок-па-
стух и дева-согдианка и две старухи и петух
и старец-шейх покоряются человеку в чёрном
чапане и сходят со своих троп на гиблую тро-
пу... [12, 176].

Антонимичные сочетания типа изумруд-
ный чапан и черный кромешный чапан и дру-
гие (они будут приведены ниже) – образцы
инновационных форм в семантическом поле
национальной лингвокультуры для выраже-
ния своего духа – новых культурных концеп-
тов, прежде всего, новых форм языка в виде
таких уникальных сочетаний. Этническая
константа чапан традиционно, в первую оче-
редь, связывается с представлением о культур-
ном ядре, относящемся к коллективному бес-
сознательному. Именно такое культурное ядро
и определяет предел допустимых для данной
культуры изменений, поскольку слово чапан
номинарует этническую константу – тот вид
одежды, с которым связаны вековые традиции
восточных народов.

Чапан как этнокультурная константа вос-
точного языкового сознания фигурирует в
фольклорных текстах, в афоризмах и притчах,

пословицах и баснях, в поговорках и новеллах. Без культурных констант трудно представить духовное развитие, они входят в необходимый общий запас культурных ценностей, накопленных в языке, тот инвентарь лингвокультуры, благодаря которому эти ценности передаются от поколения к поколению, обретая статус традиции, того что унаследовано от предшествующих поколений – идеи, взгляды, вкусы, образы действия, обычаи.

Или у вас только одна комната уединенья в гареме, мой повелитель?.. улыбнулся Насреддин, запахивая на худом пустынном своём теле огромный фазаний нелепый чапан [12, 22].

Какой-то человек в ярком старом отцовском праздничном чапане, чапане жениха, в выцветевшей ферганской лазурной тюбетейке, в стоптанных сапогах-чарогах из сагры, идёт, бредёт по кишлаку... За ним бегут, хохочут, хватают, дёргают за широкие великие рукава чапана кишлачные мальчишки... [12, 36].

Ильяс-махмуд бросился бежать от нас, подобрав полу своего белого бухарского полотняного чапана и поднимая пыль [12, 39].

И ваш новый благородный полотняный чапан покрывается дорожной нехорошей пылью! Ай, домулло!.. [12, 39].

И Хызр святой – покровитель путешественников – может прийти в дряхлом зелёном чапане путника-дервиша [12, 41].

Плоть моя, персть, тело моё завёрнутое в белый полотняный занданийский бухарский чапан-халат сгорит сойдёт как степная перестоялая очумелая трава августа [12, 80].

Ата ата и поныне бродите по нашему дворику-хавли с дамасским павлиньим кумганом в руках... в зелёном старом бухарском чапане, без чалмы, без каушей... [12, 98].

В определённом смысле расширение содержания инвариантного концепта за счёт образности и метафоричности в философском притчевом тексте позволяет говорить не только об его этнокультурной специфике, но и об оригинальном типе философского мировоззрения, такого типа восточного самосознания, которое всё чаще обращается к рассмотрению самого себя, стремится осознать себя, понять и выразить это. Стало быть, образы бессмертного Ходжи Насреддина, дервиша Ходжи Зульфикара и оригинальные воззрения на духовный мир человека самого автора существенно углубляют языковую картину мира посредством концепта-артефакта.

Вы улыбаются в чапане шелковом волнующемся от ветра от прохлады ниспадающей с китайского карагача. Вы улыбаются мне мой

учитель мой Утешитель... [12, 84].
Да, мой Учитель. Но ветер вечернего карагача трогает и полощется в вашем халате-саване и шёлк в ночи переливается в ночи, как жемчужный ствол тополя араара пирамидального [11, 85].

Да! Покидаю тело... Да, переселяюсь...

Да, ухажу из тленного чапана и вхожу в вечный саван... [12, 86].

Как видно, метафорическое содержание концепта иновационно и ментально интерпретирует вечную тематику «жизни и смерти человека», чем и усиливается «драматизация» авторского словаря на тему перехода человека из «тленного чапана» в «вечный саван». Вместо пространных рассуждений появляется чёткая краткая формульная градация «чапан-халат-саван», которая концентрирует в себе три концепта: чапан мудрости, халат старости и саван вечности, символизирующие жизненный путь человека.

147

Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Науқа және жазыы Қазақстана
Science and life of Kazakhstan. №6 (34). 2015

Мудрец одинок, как пустынный в самодельном чапане-халате-саване... Мудрец одинок, как дитя, свернувшееся во чреве матери... [14, 31].

Таким образом, приведённые примеры из семантического пространства произведений писателей Центральной Азии и Казахстана, позволяют констатировать, что рассматриваемая этнокультурная константа чапан в восточном языковом сознании имеет широкий лингвофилософский смысл и символично-метафорический характер, а такие его признаки как неизменность и постоянство становятся относительными, подвергаясь ментальным переживаниям, ассоциациям и представлениям.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.:ФЛИНТА: Наука, 2014. – 288 с.
2. Итс Р.Ф. Введение в этнографию: учебное пособие. – Л., 1991. – 168 с.
3. Сыздыкова Р.Г., Хусаин К.Ш. Казахско-русский словарь: 50000 слов. - Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.
4. Казахская национальная одежда. – Алма-Ата, «Жалын» баспасы, 1976. – 112 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М. «Русский язык», 1989. – 924 с.
6. Сауранбаев Н.Т., Мусабаева Г.Г., Сарыбаева Ш.Ш. Русско-казахский словарь: 70000 слов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1152 с.
7. Кулиев К. Махтумкули. Роман для молодёжи. – А.: Магарыф, 1987. – 392 с.
8. Шамкенов А. Мой голос: стихотворения и поэмы. - Алма-Ата, 1981. – 255 с.

9. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 528
10. Каирбеков Б. Национальные обычаи и традиции. Казахский этикет. – 2012. – 112 с.
11. Зульфикаров Т. Золотые притчи дервиша. – «Международный клуб Абая», Семей, 2004. – 232 с.
12. Зульфикаров Т. Таттабубу. Восточные поэмы. – М.: Советский писатель, 1984. – 344 с.
13. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: «Науково думка». – 1984. – 304 с.
14. Зульфикаров Т. Изумруды, рубины, алмазы мудрости в необъятном песке бытия. Афоризмы и притчи. Алматы, Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2011. – 368 с.

Резюме. В задачу данной статьи входит рассмотрение ключевого номинанта инвариантной константы восточной культуры, а именно культуры народов Центральной Азии на основе литературно-художественных текстов писателей данного региона. Предлагаемое рассмотрению ключевое слово чапан является названием верхней одежды, характерной для жителей этой обширной территории и обладает не только ярко выраженной этнокультурной спецификой, но и занимает достаточно выраженную общую доминантную функциональную значимость в восточном этносознании.

Summary. Consideration of key nominee of invariant constant of east culture is included in the task of this article, namely cultures of people of Central Asia on the basis of texts of writers of this region. The keyword of чапан offered to consideration is the name of outerwear characteristic for the habitants of this vast territory and possesses not only the brightly expressed specific but also occupies expressed enough general dominant functional.